

Микитюк С. С.,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов № 1
Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого

В. А. ЖУКОВСКИЙ И Т. МУР: РЕЦЕПЦИЯ ВОСТОЧНОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Аннотация. В статье анализируется своеобразие рецепции романа в стихах и прозе Т. Мура «Лалла Рук» в творчестве В. А. Жуковского. Перевод «Пери и ангел» русского поэта оказал влияние на рождение в русской литературе нового жанра – восточной романтической поэмы.

Ключевые слова: восточная романтическая поэма, перевод, романтизм, В. А. Жуковский, Т. Мур.

Постановка проблемы. Главным результатом рецепции Т. Мура в творчестве В.А. Жуковского является его перевод поэмы «Рай и пери», входящей в «Лалла Рук» – произведение Т. Мура, жанр которого может быть определен, как роман в стихах и прозе, оказавший влияние на рождение нового жанра в русской литературе – восточной романтической поэмы. К сожалению, своеобразие восприятия В.А. Жуковским поэзии Т. Мура осталось малоизученным.

Творческая история поэмы, ее место в творчестве В.А. Жуковского и в русской литературе первой половины XIX века были предметом детального, богатого материалом и верными наблюдениями исследования М.П. Алексеева «Т. Мур и русские писатели XIX века» [1, с. 657–823]. Важный материал, который должен быть учтен при дальнейшем изучении творчества В.А. Жуковского-переводчика Т. Мура, содержится в работе А.Н. Гиривенко «Отражение творчества Т. Мура в русской литературе первой трети XIX века» [2] и в предисловиях к двум изданиям избранных произведений Т. Мура Л.И. Володарской [3; 4]. Частично интересующей нас проблемы касались А.А. Аникст [5, с. 236–257], В.В. Ивашева [6], Р.М. Самарин [7], И.Н. Гилянский [8], Ю.Д. Левин [9], В.Э. Вацура [10].

Изложение основного материала. Уже «Ирландские мелодии», появившиеся в 1807 году, сделали Т. Мура широко известным поэтом, а в 1817 году вышла в свет поэма «Lalla Rookh. An Oriental Romance» («Лалла Рук. Восточная поэма»), принесшая поэту европейскую славу. Современники сразу поставили ее в ряд с экзотическими поэмами Байрона. Молодой В. Гюго напечатал в «Conservateur Littéraire» большую статью о поэме «Лалла Рук», в которой восхищался яркостью, экзотикой, верностью восточному воображению, роскошью образов и красок, которым «европейцы так часто были не в состоянии подражать» [11, с. 166].

Переведа поэму «Рай и пери», В.А. Жуковский впервые ввел Т. Мура в русскую литературу, следствием чего явился всплеск интенсивного интереса и к личности английского поэта, и к его творчеству. Начиная с 1822 года, имя Т. Мура практически не сходило со страниц периодической печати. Русский читатель узнает об издании новых романсов под названием «Ирландские мелодии», которые позволяют ставить его на «первое место между Анакреонтическими стихотворцами новейших времен» [12, с. 494]. Он знакомится с критическими статьями, в которых значительное внимание уделялось анали-

зу стиля Т. Мура: «Эротические его песни одушевлены живым чувством, пленяют гармонией стихов и показывают сильное, пламенное воображение. Он богат мыслями и умеет выражать оные с особенною опрятностью. Краски его свежи, изображения страстей глубоки, описания и картины его имеют какую-то волшебную привлекательность» [12, с. 495]. Неоднократно в русской печати идет речь о «питическом триумvirате Британского Парнаса»: имя Т. Мура звучит наряду с Дж. Байроном и В. Скоттом. Вообще, творческие достижения Т. Мура и Дж. Байрона становятся предметом частого сравнения в критике, и не всегда в пользу Дж. Байрона. Так, Орест Сомов в статье «О романтической поэзии», напечатанной в 1823 году в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», отдает пальму первенства Т. Муру, считая, что тот «разнообразнее в предметах и характерах, нежели Лорд Байрон, и по признанию знатоков английского языка слог его имеет более гладкости и крутости» [13, с. 98].

Творческая история перевода «Пери и ангела» детально исследована и описана М.П. Алексеевым, и мы лишь кратко напомним основные вехи этого процесса. С 1817 года В.А. Жуковский преподавал русский язык великой княгине Александре Федоровне, жене будущего русского императора Николая I, именованной в девичестве принцессой Шарлоттой. Причисленный к их свите, он в 1821 году оказался в Берлине. Здесь ему довелось пережить события, которые остались в его памяти на всю жизнь. Они были связаны с празднествами, устроенными в честь великосветской четы, главной частью которых было театрализованное представление по мотивам восточной повести Т. Мура «Лалла Рук», только что получившей известность в Германии.

Поскольку «Лалла Рук» состоит из прозаического текста, «обрамляющей повести» и вставленных в нее четырех поэм, постановщикам было нетрудно ввести в нее прозрачные намеки на великокняжескую чету, в честь которой устраивался праздник. Главными лицами была представлена Александра Федоровна в роли Лаллы Рук и ее муж, будущий русский царь, в роли принца Алириса. Праздник состоялся 27 января 1821 года и имел такой успех, что 11 февраля был повторен при еще большем стечении публики. В.А. Жуковский назвал это представление «несравненным праздником», который оставил «глубокое впечатление».

Помимо великолепных живых картин, торжественного и меланхолического марша, прекрасного пения, производящих магическое впечатление, особое очарование празднику придавала главная героиня – Александра Федоровна. В письме А.Н. Тургеневу от 19 февраля 1821 года поэт описывал свою ученицу: «Но всему давала очарование великая княгиня; ее пронесли на паланкине в процессии – она точно провела надо мною, как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые только прибавляли какой-то блеск, какое-то преобра-

жение к ежедневному, знакомому; эта толпа, которая глядела на одну; этот блеск и эта пышность для одной ...» [Цит по: 1, с. 662]. 23-летняя княгиня, находящаяся в расцвете своей красоты, была предметом тайного поклонения В.А. Жуковского. А.Н. Веселовский четко подметил склонность поэта боязливо прятать свою любовь, «самоотверженно склоняться к платоническому участию в чужом счастье» [14, с. 273].

Как показывает дневник В.А. Жуковского, он задумал перевод «Рая и пери» сразу, еще до представления, после репетиции, на которой он, очевидно, присутствовал. Вплотную занялся им месяц спустя: 16 (28) февраля в дневник внесено начало перевода под названием «Пери и ангел». Затем записи вносились почти ежедневно, вплоть до 6 (18) марта, когда поэт написал: «Кончил Пери». В том же году вставная поэма из «Лаллы Рук» под заглавием «Пери и ангел» была опубликована в журнале «Сын отечества» без имени Т. Мура и с сокращением фамилии переводчика до одной буквы: «с английского Ж.»

Редко какое произведение В.А. Жуковского принималось с таким единодушием, как это. Разумеется, успех поэмы имел глубинные причины. Для этой эпохи был характерен интерес к литературе Востока и фольклору различных народов. Появление великолепной восточной поэмы, изобилующей богатством красок и необычайным историческим и географическим разнообразием, было как нельзя более своевременным. С переводом В.А. Жуковского отдельные критики связывали распространение интереса к поэме Т. Мура и утверждали, что именно восточная повесть Т. Мура определила рождение восточного направления в русской литературе. С.П. Шевырев, приписывавший заслугу распространения восточного рода поэзии Т. Мура, сетовал на то, что и «мы, русские, не остались чужды ее примеру, нечувствительно обогащаются словесность наша восточными апологами, стихотворениями, поэмами» [Цит по: 1, с. 652]. Но это замечание прозвучало лишь спустя шесть лет после первого появления перевода В.А. Жуковского. За ним последовали многочисленные переводы других частей поэмы и их подражания, в которых переводчики по различным причинам – личным пристрастиям, требованиям цензуры – искажали суть поэмы Т. Мура. Однако появление этих переводов было обусловлено требованиями эпохи, и они попадали в России на благодатную почву.

Переводом поэмы «Рай и пери» восхищались не только друзья и единомышленники переводчика, но и его идейные противники. Высокую оценку он получил в среде будущих декабристов. Хотя восторг вызвала не столько экзотика поэмы, сколько умело скрытый под восточной вуалью протест ирландского поэта-патриота. Известно также, что В.Ф. Раевский для пропаганды солдат в школе взаимного обучения в Кишиневе использовал отдельные строфы из перевода В.А. Жуковского, в которых шла речь о покорении Индии в XI веке Махмудом из Газны и о смерти героя, павшего во имя спасения Родины [15, с. 95]. Известно также, что именно этим эпизодом из поэмы Т. Мура в оратории Р. Шумана восхищался П.Н. Чайковский [1, с. 679].

В результате длительных исследований был установлен источник – прозаическое введение к поэме «Рай и пери» Т. Мура. Почти через двадцать лет после публикации поэмы В.А. Жуковский, находясь в Германии, вернулся памятью к увиденному когда-то спектаклю. О своих ощущениях он рассказал императрице Александре Федоровне в большом письме

от 13 мая 1840 года. Он писал, что мысленно вновь «очутился на празднике Лаллы Рук. Это прекрасное тогдашнее видение так живо пролетело перед моей памятью, как будто сама молодость en personne навестила меня...» [1, с. 674]. Еще через три года, когда поэт писал посвящение к повести «Наль и Дамаянти», он снова вспоминал театральные праздники в честь Лаллы Рук, устроенный за двадцатилетие перед тем в Берлине.

Эмоциональная память поэта обусловила неоднократные обращения к теме его прославленной переводной поэмы. Обращалось, в частности, внимание на то, что ее сюжет в сокращенном виде разработан в стихотворении «Пери». Между тем, как показал М.П. Алексеев, речь здесь должна идти о целом цикле произведений со сходным происхождением и интересной судьбой. Это, прежде всего, написанные в том же 1821 году стихотворения «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лаллы Рук». Здесь мы видим и рассказ поэта о живых картинах, изображавших эпизоды из «восточной повести» Т. Мура, и проистекающее из нее очень характерное для В.А. Жуковского рассуждение о быстротечности жизни, и женский образ на миг, ставший символом поэтического вдохновения.

В.А. Жуковский долго и настойчиво отказывался от напечатания этих стихов из-за присутствовавшего в них интимного плана, связанного с его увлечением Александрой Федоровной. Лишь по прошествии лет, когда его увлечение было, по-видимому, подавлено, он снял свой запрет, и оба стихотворения были напечатаны. Но современники знали, что речь идет о прусской принцессе, ставшей позднее русской императрицей. Благодаря В.А. Жуковскому ее долго называли в Петербурге Лаллой Рук.

Со стихотворением «Лалла Рук» связано рассуждение В.А. Жуковского о прекрасном, дошедшее до нас по письму поэта к А.И. Тургеневу от 18 (6) февраля 1821 года и принадлежащее к числу его важнейших творческих деклараций. О значении этого рассуждения свидетельствует уже то, что сохранилась его сокращенная копия, переписанная рукой А.С. Пушкина, который, как известно, ввел строку «Гений чистой красоты» в свое послание «Я помню чудное мгновенье». Позднее и сам В.А. Жуковский включил это рассуждение в «Письмо к Гоголю» – «О поэте и современном его значении», напечатанное в 1848 году в журнале «Мосовитянин».

Мы не будем останавливаться на втором стихотворении «Явление поэзии в виде Лаллы Рук» и потому, что оно детально изучено М.П. Алексеевым, и потому, что оно восходит к немецкому оригиналу. Нас же интересует, прежде всего, воздействие Т. Мура на В.А. Жуковского, его место в творческом мире русского поэта, созданное им перевоплощение Т. Мура в поэме «Пери и ангел».

Несмотря на все достоинства этого перевода, его скорее можно назвать вольным переложением. В.А. Жуковский сохраняет композицию, особенность построения сюжета поэмы, но при этом делает ставку на эпичность повествования (жанр русского перевода определяется переводчиком как «повесть»), меняет метрическую форму оригинала. В оригинале поэма состоит из 27 строфических триад различной длины с вольными рифмами – то смежными, то перекрестными, то опоясывающими. Внутри триады границы синтаксических объединений часто не совпадают с метрическими группами, объединенными рифмами, таким образом создается непрерывность повествования, обрывающегося с окончанием триады. Каждая триада включает различное количество

стихов и заканчивается там, где иссякает ритмический импульс или движение, объединяющее данную группу стихов. Метрические пересечения и паузы, неизбежные в конце триады, способствуют обособлению отрывков и намечают метрическую границу в тех местах, где тема исчерпана или ее развитие прерывается, уступая место новой теме. Эта метрическая форма в сочетании с отрывочностью повествования была достаточно новой в русской поэзии начала 20-х годов. И работая над подобной формой при переводе «Шильонского узника» Дж. Байрона, В.А. Жуковский всячески старается сохранить этот прием метрической композиции, в переводе «Рая и пери» строфическое членение не сохраняется, регулируются рифмы – в русском тексте они строго смежные. В.А. Жуковский создает единый повествовательный поток. Обособливается лишь начало поэмы – внезапный зачин, входящий в действие и подчеркивающий драматический смысл происходящего. Риторические вопросы и восклицания автора служат своего рода элементами, объединяющими темы и повествования различных строфических триад. Таким образом, своеобразная метрическая композиция трансформируется в русском переводе, подчиняясь законам построения форм эпического повествования.

«Лалла Рук» в оригинале изобилует авторскими сносками, которые придают поэме особую филологическую тяжеловесность. В.А. Жуковский переводит часть этих примечаний, однако большую часть опускает. Русского переводчика не интересуют чуждые ему и его читателю источники. Пытаясь сохранить экзотический восточный колорит «Рая и пери», В.А. Жуковский впервые в своем творчестве сохраняет такое огромное количество географических и исторических реалий, незнакомых русскому читателю ботанических и зоологических названий, подробностей в описании причудливых восточных пейзажей и все же существенно его ослабляет. И, кроме того, изменяет финал поэмы. Если пери Т. Мура была прощена небесами потому, что принесла слезы, падающие из глаз раскаивающегося преступника, то в русской поэме пери изображена В.А. Жуковским, скорее, своего рода христианским ангелом женского рода, чем крылатым мифологическим существом, что при виде слез раскаяния, «забыв себя и жребий свой», устремляет свой взор на небо, моля о прощении. Сострадание к раскаивающемуся несчастному возвращает ее в Эдем – так в христианском духе трактуется ее заслуга перед небесами.

В процессе перевода В.А. Жуковский трансформирует поэму Т. Мура – стилизует ее в свойственных ему сентиментально-романтических тонах, ослабляет экзотический колорит, смягчает описания суровой земной жизни, усиливает музыкальность и лиричность повествования в описаниях великолепных восточных пейзажей, трактует основную идею поэмы в более идеалистическом христианском ключе.

Поэтический слог Т. Мура более конкретен и эмоционально-повествователен: «palmy groves» (пальмовые рощи), «warm Rosetta's vale» (теплая долина Розетта), «white pelicans» (белые пеликаны), «azule calm» (лазурное спокойствие), «faïr scene» (прекрасная сцена) и т. д. Описаниям Жуковского свойственна литературная привычность сочетаний, унаследованная им от карамзинистов: «милый день», «голова младые», «яркими звездами», «небес далеких». Однако для них характерна какая-то возвышенная поэтичность благодаря особому одухотворяющему их субъективному чувству автора.

В.А. Жуковский усиливает звукопись. Звукопись Т. Мура значительно беднее.

Создает В.А. Жуковский и свои оригинальные поэтические образы: появляется «ночной страж» – сова, охраняющая развалины «чертог падших царей». У Т. Мура лишь упоминается крик чибиса («lapwing's cry»), слышимый в ночи. Слегка видоизменяет переводчик образ пальм, дремлющих над водами. В оригинале их увенчанные листьями вершины склоняются вяло, подобно молодым девушкам, увлекаемым в шелковую постель опускающимся сном («date – trees bending languidly their leaf – crowned heads, like youthful maids, when sleep descending warns them to their silken beds»). В переводе оставлено сравнение вершин с девами, склоняющими свои головы, но дополняется новым нюансом: они склоняют головы, устав от «веселого дня», «в подушки пуховые». Таким образом, Жуковский вводит в описание реалии, близкие своему читателю.

Известно, что Т. Мур знал о существовании перевода его поэмы «Рай и пери». Об этом свидетельствует дневниковая запись ирландского поэта, датированная 03 января 1829 года. В ней он пишет о встрече с А.И. Тургеневым, показавшим ему «перевод моей Пери», выполненный русским поэтом, который сопровождал нынешнюю императрицу во время ее визита в Берлин...» [Цит по: 16, с. 599].

Выводы. Перевод В.А. Жуковского стал началом большой и долгой истории перевода поэмы Томаса Т. Мура в русской литературе, насчитывающей уже более 160 лет. Последние переводы из поэмы «Лалла Рук» были опубликованы в сборнике «Т. Мур. Избранное» в 1981 году. Это перевод А. Ревича «Хорасанский пророк под покрывалом» (в отрывках), Ю. Александрова «Огнепоклонники» (в отрывках), В. Потаповой «Свет гарема».

Таким образом, перевод В.А. Жуковского поэмы «Рай и пери» не просто знакомил русского читателя с оригинальным творением ирландского поэта. Он стал фактом истории русской литературы, оказавшим влияние на рождение нового жанра – восточной романтической поэмы. Тема и идея поэмы находят отражение в произведениях русских мастеров слова (к примеру, Н.П. Дашкевич отмечал переключку поэмы Лермонтова «Демон» с сюжетом «Рая и пери»). Кроме того, «сотрудничество» русского поэта с английским романтиком способствовало формированию эпического мышления В.А. Жуковского, нашедшего воплощение в эпических замыслах 30-х годов.

Литература:

1. Литературное наследство. Русско-английские литературные связи. XVIII – первая половина XIX века. Исследования акад. М.П. Алексеева. – М.: Наука, 1982. – Т. 91. – 864 с.
2. Гиривенко А.Н. Отражение творчества Т. Мура в русской литературе первой трети XIX века / А.Н. Гиривенко. – Известия АН СССР. – Серия лит. и яз. – 1984. – Т. 43. – № 6. – С. 537–543.
3. Володарская Л.И. Певец свободы и любви / Л.И. Володарская // Томас Мур. Избранное. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 3–20.
4. Володарская Л.И. Предисловие / Л.И. Володарская // Thomas Moore. Selections. – М.: Радуга, 1986. – С. 19–41.
5. Аникст А.А. История английской литературы / А.А. Аникст. – М., 1956. – 564 с.
6. Ивашева В.В. Томас Мур / В.В. Ивашева // История зарубежной литературы XIX века. – М.: Из-во МГУ, 1995. – Т. 1. – С. 138–163.
7. Самарин Р.М. Томас Мур / Р.М. Самарин // История зарубежной литературы. – М.: Из-во АН СССР, 1953. – Вып. 1. – Т. 1. – С. 103–129.

8. Гишинский И.Н. Поэма «Хорасанский пророк» в составе романа Т. Мура «Лалла Рук» / И.Н. Гишинский // Филологические науки. – 1982. – № 5. – С. 30–34.
9. Левин Ю.Д. Скрытая цитата из «Лалла Рук» / Ю.Д. Левин // Русская литература. – 1975. – № 2. – С. 205–206.
10. Вацура В.Э. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова / В.Э. Вацура // Русская литература. – Л., 1987. – С. 41–64.
11. Мешкова И.В. Творчество В. Гюго (1815–1824) / И.В. Мешкова. – Саратов: Из-во Саратовского ун-та, 1971. – Кн. 1. – 286 с.
12. Ирландские мелодии Т. Мура // Русский инвалид. – 1922. – № 124. – С. 494–495.
13. Сомов О.М. О романтической поэзии / О.М. Сомов // Соревнователь просвещения и благотворения. – 1823. – Ч. 23. – № 8. – С. 97–101.
14. Веселовский А.Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А.Н. Веселовский. – Пбг., 1918. – 550 с.
15. Воспоминания В.Ф. Раевского // Литературное наследство. – М., 1956. – Т. 60. – Кн.1. – С. 40–96.
16. Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. – М.: Радуга, 1985. – Т. 1. – 606 с.

Микитюк С. С. В. А. Жуковський і Т. Мур: рецепція східної романтичної поеми

Анотація. У статті аналізується своєрідність рецепції роману у віршах і прозі Т. Мура «Лалла Рук» у творчості В. А. Жуковського. Переклад «Пері й ангел» російським поетом вплинув на народження в російській літературі нового жанру – східної романтичної поеми.

Ключові слова: східна романтична поема, переклад, романтизм, В. А. Жуковський, Т. Мур.

Mykytiuk S. V. A. Zhukovsky and T. Moore: reception of oriental romantic poem

Summary. The article analyzes the reception of romance in verse and prose by T. Moore «Lalla Rook» in works by V. A. Zhukovsky. The translation of «Peri and Angel» by Russian poet had an impact on appearance in Russian literature of a new genre – oriental romantic poem.

Key words: oriental romantic poem, translation, romanticism, V. A. Zhukovsky, T. Moore.